

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВУ И РЕГИОНУ

В. В. Черникова, С. М. Калашникова, Е. М. Поляков, А. В. Гармонова, В. В. Стёпин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2015 г.

Аннотация: редакция журнала «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология» провела круглый стол экспертов, на котором были подняты актуальные вопросы текущей повестки дня: рост напряженности в международных отношениях, внутривнутриполитические кризисы на Украине и Ближнем Востоке и их влияние на безопасность России, проблемы политической идентичности в стране и регионе в условиях международной напряженности, сложности социальной адаптации граждан, системные напряжения в российском образовании, факторы социально-политической стабильности в Воронежской области, проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Ключевые слова: Россия, проблемы внешней политики, региональная безопасность, политическая стабильность, терроризм, политическая идентичность, социальная адаптация граждан, образование, регион.

Abstract: editorial Board of «VSU Herald» held round table of experts, which were raised topical issues of the current agenda: a height of tension is in international relations, current relations between Russia and the West, the domestic political crisis in Ukraine and in the Middle East and their impact on Russia's national security, problems of political identity in a country and region in the conditions of international tension, the complexity of social adaptation, social-policy stability in the Voronezh region, the struggle against extremism and terrorism.

Key words: Russia, current problems of foreign policy, regional security, political stability, terrorism, political identity, social adaptation of citizens, education, region.

Доц. Черникова В. В. (ведущий). В 2014 г. Россия оказалась перед новыми вызовами, которые коренным образом не только изменили характер международных отношений, но и политическое поле внутри государства: смена власти и гражданская война на Украине, появление ИГИЛ и его неожиданные военные успехи, возвращение Крыма в состав России и усиление напряженности в отношениях между Россией и Западом, политика санкций и военно-политическая напряженность поблизости от государственных границ. В то же время в стране остается много внутренних нерешенных проблем, связанных с укреплением политических институтов, развитием гражданского общества, модернизацией и сокращением сырьевой зависимости в экономике. Сохраняются проблемы и на Северном Кавказе. Несмотря на это Россия показала достаточно высокую устойчивость к внешнему давлению и значительную степень внутренней консолидации общества. Все эти неоднозначные процессы имеют и региональную проекцию, вынуждая корректировать региональную политику с учетом новых и старых вызовов. Анализ новых угроз и возможных последствий для Воронежской области представляют безусловный интерес. Осмыслению и

комплексной оценке социально-политических процессов 2014 г. посвящен наш круглый стол.

Современные международные конфликты приобретают форму гибридных, последствия которых для России не всегда очевидны и однозначны. Один из таких новых конфликтов 2014 г. – военные действия ИГИЛ. Предлагаю начать обсуждение новых вызовов с анализа ИГИЛ.

Преп. Поляков Е. М. (доклад «Исламское государство» как фактор (де)стабилизации Северного Кавказа»). Для начала надо дать небольшую справку. Так называемое Исламское государство Ирака и Леванта (далее – ИГИЛ) было провозглашено коалицией джихадистских группировок, действующих в Сирии и северном Ираке не так давно, и уже успело привлечь к себе внимание мировых СМИ и ведущих держав. Эта организация имеет достаточно давние корни, восходящие к Аль-Каиде в Ираке, учрежденной в 2006 г. Хотя «материнская» организация была не столь успешна в боевом плане, она послужила некоторым идейным базисом и «пробным шаром». Таким образом, у нынешней успешности джихадистов на Ближнем Востоке есть примерно десятилетний бэкграунд.

В контексте интересов России можно выделить две важные особенности. В настоящее время регион активности этой организации – Ближний Восток,

однако уже неоднократно игиловские лидеры заявляли, что их цели находятся далеко за пределами данного региона и по сути глобальные. Мы можем сказать, что хотя рост политического ислама и связанного с ним терроризма понимается как проявление антиглобализма, на самом деле это скорее проявление своеобразного исламского глобализма. Цель подобных организаций – объединить мир под своим руководством, только не на либерально-капиталистической основе, а на исламистской.

Вторая особенность заключается в том, что исламистское подполье – это сетевая структура. У того же ИГИЛ есть контакты с аналогичными структурами по всему миру. Совсем недавно нигерийская Боко Харам присягнула на верность самопровозглашенному «халифу». За несколько месяцев до этого российские салафиты дагестанского «отделения» Имарата Кавказ проделали то же самое. Мы можем говорить, что щупальца этого «монстра» распространились далеко за пределы Ближнего Востока.

Но как ни покажется странным, в тактическом плане появление ИГИЛ играет нам на руку. Мы же наблюдаем по различным данным – официальных силовых структур, неправительственных организаций, экспертным оценкам – снижение террористической активности на Северном Кавказе. Уже второй год отмечается устойчивое сокращение числа вооруженных инцидентов, жертв насилия и т.д. Во многом это связано не столько с успехами наших правоохранительных органов, сколько с отъездом боевиков на Ближний Восток, в Сирию и Ирак.

В наших СМИ часто можно встретить информацию о том, сколько европейцев, или, точнее, «новых европейцев», из числа выходцев с того же Ближнего Востока уехали воевать на историческую родину. Но туда едут и россияне. К сожалению, экспертное сообщество очень осторожно в оценках. Как правило, фигурируют цифры от 500 до 2000 человек, т.е. гораздо меньше, чем европейцев. Тем не менее даже такой не очень масштабный отъезд привел к резкому снижению напряженности на Северном Кавказе. В информационном пространстве мы видим подвижки – на первое место за прошедший год в качестве «горячей точки» вышли Донбасс и Украина.

Кавказ на фоне трагических событий у соседей стал восприниматься как «мирный» регион, по крайней мере, до недавних событий – теракта в Грозном и (более резонансного) убийства Б. Е. Немцова, в расследовании которого обозначился «чеченский» след. То есть долгое время ни Чечня, ни другие республики региона не фигурировали как источник политической нестабильности.

С другой стороны, мы не должны забывать, что это именно тактический фактор замирения, поскольку, пройдя боевую подготовку, набравшись опыта воору-

женной борьбы, рано или поздно некоторая часть российских боевиков вернется с Ближнего Востока. Это поставит перед государством серьезную проблему в плане обеспечения долгосрочной стабильности на Кавказе. Невозможно сейчас предсказать (кроме общего прогноза – ухудшения), как изменится в связи с их возвращением обстановка, скажем, к 2020 г. Здесь есть некоторая параллель с украинским кризисом.

Неоднократно в наших СМИ весной прошлого года звучала мысль, что Россия держит границу с Украиной прозрачной для разнообразных «ополченцев», «отпускников» и «военторговцев» с чисто утилитарной, эгоистичной целью. Поскольку в стране социально-экономический кризис, обострение «национального вопроса» неизбежно, а проект «управляемого национализма», связанный с именем демонизированного В. Ю. Суркова, провалился, надо просто выпустить всех «национал-патриотов» на Донбасс, но обратно уже не пропускать. Если следовать этой конспирологической логике, то, в принципе, отъезд кавказских «моджахедов» в ИГИЛ тоже может быть своеобразным лечебным «кровопусканием» – главное, не допустить их возвращения домой.

Доц. Черникова В. В. Мне представляется, что ИГИЛ будет дестабилизирующим фактором долгое время, который не удастся задавить физически. Исходящая от него угроза расплывается. И тут возникает вопрос: «Насколько это все затянется: как в израильско-палестинском конфликте или же мировое сообщество решительно займется этой проблемой, что, в свою очередь, сделает реальной перспективу возвращения радикальных элементов уже в ближайшем будущем?»

Преп. Поляков Е. М. Мне кажется, что это часть более широкого вопроса о будущем Ближневосточного региона в целом. Существует несколько альтернативных сценариев развития, или лучше сказать – несколько видений будущей карты региона. Очень условно, по именам промоутеров, их можно назвать израильский, иранский, американский и турецкий. Ни у Европейского союза, ни у России долгосрочной стратегии, хотя и по разным причинам, в отношении Ближнего Востока нет.

Иранский проект, в частности, предусматривает сохранение Сирии в международно-признанных границах во главе с алавитами и Б. Асадом, сохранение единого и преимущественно шиитского Ирака (в плане единства страны этот проект совпадает с турецким и, по всей видимости, американским). В этом аспекте Иран и его, скажем так, агенты влияния вроде той же «Хезболлы» – непримиримые противники ИГИЛ. Собственно мы видим, как в Ираке сейчас идет наступление на Тикрит и в перспективе Мосул, и видим, что осуществляют его шииты и стоящий за ними Иран.

Израиль также оказался под угрозой. Премьер-министр Нетаньяху крайне обеспокоен сближением позиций Вашингтона и Тегерана, обусловленным, очевидно, угрозой от ИГИЛ, и хотел бы прояснить позицию США по поводу региона. С этим в том числе связана его поездка в США и выступление перед Конгрессом. Учитывая, что есть проблемы с обеспечением стабильности в Саудовской Аравии, Иордании и очень тяжелая ситуация в Сирии, Израиль рискует оказаться в окружении полыхающих гражданскими войнами и непрекращающимся насилием стран. А единственный надежный союзник мало того, что за океаном, так еще и не вполне обозначил свою позицию.

Но это и нас касается. Тот же ИГИЛ провозгласил среди своих целей и освобождение Чечни и всего Северного Кавказа от «российской оккупации». Но если насчет Чечни по многим причинам – это бахвальство (и территориальная удаленность, и особенность политического режима Р. А. Кадырова, и чисто силовой аспект), то опасность дестабилизации Азербайджана, где немало сторонников ИГИЛ, вполне реальная. А это – угроза «разморозки» Карабахского конфликта, обострения лезгино-азербайджанских противоречий в южном Дагестане и т.д.

Доц. Черникова В. В. В связи с этим что же выгоднее России? С одной стороны, поддерживать дестабилизацию на Ближнем Востоке и не вмешиваться в ситуацию с ИГИЛ, поскольку это оттягивает силы и внимание США и ЕС от проблем вдоль наших границ (Крым, Донбасс), вызывает консолидацию мусульман внутри России, которые не заинтересованы в таком радикальном варианте ислама. Но с другой стороны, эмиссары ИГИЛ относительно лояльно принимаются в той же Турции, но крайне враждебно к ним настроены власти Сирии (притом что оба государства в определенной степени лояльны российскому видению ситуации, наши партнеры в регионе). Словом, есть сложности и в геополитическом плане.

Преп. Поляков Е. М. Я бы сказал, что все игроки находятся в подобном геополитическом цугцванге. Для американцев победа ИГИЛ и силовое переформатирование региона категорически не приемлемы. Но администрации Б. Х. Обамы начинать новую войну на фоне усилий по выводу войск из Ирака и Афганистана тоже проблематично. Теоретически новая администрация после выборов 2016 г. вне зависимости от того, кто придет в Белый Дом, может ввязаться в новую авантюру. Но это еще более полутора лет ожидания, а за такой период может многое произойти в столь политически динамичном регионе. Напомню, что еще полгода-год назад ИГИЛ не представлял собой столь серьезной угрозы, «границы халифата» не доходили до Иордании и чуть ли не Саудовской Аравии и т.д.

Доц. Калашикова С. М. Еще какие-нибудь причины неопределенности политики США в данном регионе можно назвать?

Преп. Поляков Е. М. Помимо чисто внутривосточных и чисто силовых (невозможности вести войну на еще одном фронте), это, пожалуй, банальное нежелание значительной части американского истеблишмента (да и общества в целом) во все это ввязываться. Американцы по политической культуре, условно говоря, изоляционисты, а лучше сказать – эгоисты. Их гораздо больше интересуют проблемы внутри страны (или отдельно взятого штата), чем за тридевять земель, несмотря на то, что Америка позиционирует себя как мировой лидер. Те вмешательства, что происходили за последние годы – например, в Ливии – позиционируются как реактивные (даже если таковыми не являются). Дескать, мы не хотели, но нас вынудили плохие парни.

Доц. Черникова В. В. Мне кажется, что у них тоже есть интерес, может быть, скрытый или косвенный, к дестабилизации на Ближнем Востоке, поскольку это сказывается на цене на нефть и решает некоторые внутренние проблемы.

Преп. Поляков Е. М. Да, я бы тоже не стал сбрасывать это со счетов, но проблема здесь в том, что любой дестабилизированной ситуацией на долгосрочную перспективу очень тяжело управлять. Прием «ввязаться в драку, а там посмотрим» разумен только тактически, а вот стратегически – опасен. Американцы же известны своими стратегическими наработками. К тому же неизвестно, как это отразится на взаимодействии с другими центрами силы, с той же Россией.

Мы сейчас, например, еще находим точки соприкосновения и общие интересы, несмотря на все санкции и политическое давление, это в первую очередь сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Если в США возобладает группировка, поддерживающая дестабилизацию на Ближнем Востоке в инструментальных целях, это может привести к окончательному разрыву, причем не с одной только Россией. Тот же самый украинский кризис развел американцев много с кем по разные стороны баррикад.

Очень неоднозначная позиция у Японии, чему свидетельством служит недавний визит в Крым экс-премьера Ю. Хатаямы. Это важное символическое действие, в Крым он приехал не из Киева, не с украинской территории. Это косвенная легитимация. И четкий сигнал – не мог же опытный политик Ю. Хатаяма не понимать, как воспримут его вояж в Москве, Киеве, Вашингтоне, Брюсселе. Это подтверждает тезис о том, что Запад не монолитен в своей антироссийской и проукраинской позиции.

Доц. Калашикова С. М. А можно ли назвать какие-то рекомендации, например, нашим руководи-

телям, что же конкретно делать с целью недопущения экспансии ИГИЛ и вообще исламистов в Россию?

Преп. Поляков Е. М. Как ни странно, это достаточно очевидные рекомендации. Во-первых, соблюдение российских законов. Вот чем привлекателен исламизм для российских мусульман – не только кавказских, кстати, но и поволжских – ведь он пустил корни и в Татарстане, и в Мордовии, и в Оренбуржье, так это тем, что исламизм как проект предлагает очень простые правила общежития. Причем эти правила соблюдаются неукоснительно не только из-за религиозной санкции, но и из-за жесткого преследования отступников, вплоть до физического уничтожения.

Во-вторых, это достаточно ясные, привлекательные ориентиры, определенная модель поведения и построения справедливого общества. Это принципиальный момент – дело не просто в призыве жить по религиозным, мусульманским нормам, но жить по справедливости. А в России, как мы знаем, очень серьезный спрос на справедливость. Исламизм дает своим адептам особенный, не-гоббсовский общественный договор: мы вам гарантируем справедливое мироустройство в обмен на ваше послушание и некоторую жертвенность во имя общих идеалов.

Это очень четкий социальный контракт. Современное российское государство не дает ничего подобного. Социологические опросы фиксируют всеобщую неуверенность в завтрашнем дне. И если на краткосрочную перспективу (1–3 года) что-то просматривается, то долгосрочных планов и ожиданий почти нет, а те, что есть, – преимущественно негативные. Никто не знает и не понимает, что будет с ним, со страной через 20–30 лет. Радикальные исламисты, напротив, дают это понимание, пусть и весьма специфическое, дают чувство сопричастности и уверенности.

И этот проект желаемого завтра (и даже сегодня) адресован не только к тем народам, представители которых в массе своей исповедуют ислам. Отнюдь нет! Он адресован и всем прочим, в том числе русским. Возник даже феномен «русского ваххабизма», представители которого ведут «джихад меча» не только на Кавказе, но и в ИГИЛе.

Доц. Черникова В. В. Я бы хотела рассмотреть все же региональную специфику Воронежской области. У нас по разным оценкам проживает от 50 до 100 тысяч мусульман. Понятно, что долгосрочные прогнозы – дело трудное и неблагодарное, но есть ли опасность радикальной исламизации в нашем регионе на ближайшую перспективу?

Преп. Поляков Е. М. Нет, я полагаю, что перспективы подобного развития надуманные. Большинство воронежских мусульман – выходцы из регионов, в которых исповедуются весьма специфические, очень отличные от «импортных» варианты ислама. В

первую очередь речь идет о северокавказском, чеченском суфизме, азербайджанском шиизме. Адепты ИГИЛ шиитов ненавидят, к суфиям относятся как к отступникам и предателям.

Таким образом, сам факт их конфессиональной принадлежности является до известной степени блокиратором потенциальной исламизации. В суфизме, если так можно выразиться, есть очень серьезная межличностная составляющая по линии учитель – ученик. Это очень хорошо было видно на примере такого трагического события, как убийство шейха Саида Чиркейского в 2012 г., когда на его похороны прибыли свыше 100 тысяч человек. В ваххабизме же этой связи априори нет.

Думаю, в плане исламизма мы можем быть вполне спокойны, скорее угрозу представляет соседний беспокойный Донбасс. Там много вооруженных людей, так сказать, вкусивших от войны, и скоро они станут возвращаться вне зависимости от того, будет реинтегрирован Донбасс в Украину на каких-то особых правах или он получит независимость. Люди с оружием в руках, умеющие и привыкшие отстаивать свое понимание политического устройства, в хорошем смысле слова «идейные бойцы», которые будут представлять проблему для государства.

Доц. Черникова В. В. (доклад «Проблемы политической идентичности России и Воронежской области в условиях международной напряженности»). Проблема конструирования привлекательного общественного проекта напрямую связана с формированием общегражданской идентичности. Изменения в международных отношениях, появление новых вызовов, в первую очередь связанных с украинским кризисом, воссоединением с Крымом и гражданской войной на Донбассе, последующая напряженность в отношениях с США и ЕС вызвали серьезные политические процессы внутри государства. Это нашло отражение в общественном мнении. Устойчивость государства, иммунитет к «оранжевым революциям», приверженность к общегосударственным ценностям, снижение уровня радикализации общества могут опираться только на устойчивые социокультурные основания. И особую функцию здесь выполняет идентичность, которую можно рассматривать как отождествление людей самих себя с какой-либо местностью, культурой, традициями, в том числе и политическими [1, с. 141].

Можно идентичность рассматривать и как определенный конструкт: с одной стороны, она складывается снизу естественным образом, исторически, а с другой – этот проект управляется различными деятелями – государством, политическими лидерами, медийными персонами.

Конструирование идентичности направлено на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение

солидарности, формирование определенного представления о сообществе, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры.

Сегодня Россия столкнулась со специфическими вызовами, которые неоднозначно повлияли на формирование идентичности, в том числе на становление общегосударственной идентичности. Возросло значение внешних факторов, в том числе геополитических и глобализационных. Если говорить про геополитический фактор, то он оказывает огромное влияние на становление российской идентичности.

После распада СССР у России была некая неопределенность позиции в мире. В некоторой степени экономическая слабость, сложность отношений с восточными соседями, центробежные тенденции как последствия распада и стремление следовать демократическим ценностям, желание стать последователем западной либеральной идеи – все это оказало влияние на общественное сознание. Начали формироваться взгляды на ценность прав человека, идеи свободного рынка, хотя не все они были до конца реализованы. Существующие угрозы до конца не осознавались. В последнее время, когда появился очередной набор угроз, украинский кризис наиболее ярко их высветил. Оказалось, что место в мире, которое отводится уже сложившимися государствами Запада России – второстепенное, без возможности отстаивания своих национальных интересов. Россия не согласилась с этой ролью в полной мере и попыталась декларировать эти интересы на мировой арене. Страна столкнулась с противостоянием. Этот факт начал оказывать серьезное влияние.

Геополитические факторы играют роль как на региональном уровне, так и на федеральном. Для Воронежской области ситуация в Донбассе – очень острый вопрос. Он не стоит столь же остро в отдаленных от границы с Украиной регионах. Это объяснимо, так как 200 километров от одного города до другого, большое число беженцев, исторически сложившиеся родственные и дружеские связи отражаются на восприятии населением проблемы.

Продолжает влиять на понимание своего места в международной системе историческая неопределенность: Россия – это Запад или Восток?

Если долгое время мы делали вектор, что Россия – это Запад, то сейчас мы отчетливо наблюдаем, что Россия – это «русский мир», Россия – это Восток. Идея возврата к переосмыслению исторических фактов (например, татаро-монгольского ига не было, а была восточная экспансия) – это реверанс в пользу того, что развитие не всегда шло только с Запада, но и Востока. И мы являемся преемниками и Запада, и Востока. Поиск баланса в этом вопросе продолжает сохраняться в общественном сознании и влиять на формирование общегосударственной идентичности.

Серьезное влияние продолжает оказывать глобализационный фактор. Причем если раньше он безоговорочно влиял на либерализацию отношений, то сейчас его влияние не столь однозначное. Для регионов вхождение в глобальный мир проявляется по-разному. Для некоторых возникает вопрос: зачем нам государство-посредник, если мы можем получать большую выгоду, взаимодействуя на мировой арене самостоятельно? Тем самым подрывая основу сильного государства. Для России – федеративного государства, фрагментированного по экономическим и социокультурным критериям, вхождение регионов в глобальный мир играло дестабилизирующую роль. Можно было увидеть подобную реакцию на глобализацию в попытках создания «Сибирской Республики» и других, в стремлении к большей автономии. Однако геополитические изменения, в том числе связанные с последними явлениями – украинским кризисом, присоединением Крыма, санкциями – снизили зависимость от глобальных процессов и привели к тому, что усилили этатистские тенденции. Идеи сепаратизма снизили актуальность. Пример Донбасса сыграл роль в усилении этатистских тенденций.

Дестабилизация ситуации на Украине, гражданская война привели к консолидации людей вокруг устойчивых ценностей – стабильности, государственности, «просвещенного национализма» (гражданского, связанного с уважением к стране). Появился четкий образ «своих» (русские, русскоговорящие, поддерживающие соседние братские народы...).

В политическом плане тоже произошли интересные изменения. В какой-то степени ситуация международной напряженности сыграла нам на руку. Идентичность складывается из трех составляющих. Первая составляющая – самосознание. Вторая – образ значимого другого: кто «они» – враги или друзья? И третья – исторический опыт. Сейчас мы определились, кто мы. Идея «русского мира» начинает проявляться, наблюдается в какой-то степени «просвещенный национализм». Четко определились, кто «они»: «враги», «чужие» – те, кто объявляет против нас санкции. Это образ «негативного Запада». Не будем давать оценок. Это сложилось. Кроме того, это совместный опыт переживания. Он начинает реанимировать историческую память, что отчетливо проявляется в поисках сравнений и исторических аналогий (причем как среди сторонников действующей власти, так и ее противников). Сравнения Путина и Сталина, вспоминание советских практик, внимание к дореволюционным деятелям и событиям (поставили памятник Александру II в Бутурлиновке). То, чего уже давно не было. В результате складывается усиление государственной составляющей гражданской идентичности. Проявляется это очень своеобразным образом.

Во-первых, либеральный проект снижает свое влияние. Украинский кризис спровоцировал серьезный раскол в обществе. Если раньше у нас были расколы по национальному, религиозному критерию, то теперь общество разбилось на два лагеря: сторонники Путина, сторонники присоединения Крыма и противники Путина, вхождения Крыма в состав России, причем с доминирующим преобладанием первой группы. Раскол произошел серьезный по политическому критерию. Более того, снижается популярность либеральной парадигмы, которая преобладала в 1990-е гг., востребована в процессе глобализации. Снижается поддержка либеральных партий. Недавно мы наблюдали партийный кризис в «Гражданской платформе» – либеральной партии. В то же время происходит усиление консервативных партий, в том числе националистического плана, усиление консервативно-государственных партий (увеличение поддержки «Единой России»).

Во-вторых, ослабляются межнациональные и религиозные противоречия в конструировании идентичности. Уже нет такого противопоставления «мусульмане – православные» или этнических противоречий. Ситуация с радикальными элементами, которая сложилась на Кавказе, когда ИГИЛ оттянул часть радикалов, может быть экстраполирована и на Донбасс, когда конфликт оттянул наиболее радикальных националистических деятелей, которые уехали туда воевать. Сегодня снижение национализма частично обусловлено тем, что радикальные националисты находятся в «горячих точках».

В настоящий момент сложилась благоприятная ситуация для выстраивания общей гражданской идентичности в России. Конструируется общегражданская идентичность, допускающая вписывание идентичностей разного уровня: региональных, национальных, религиозных. Это краткосрочная ситуация. С одной стороны, радикалы будут возвращаться, с другой стороны, невозможно постоянно жить, противопоставляя себя «образу врага», развитым странам мира, с которыми выгоднее сотрудничать, чем враждовать. Хотя выгодно сотрудничать не только с ними, но и с теми, кому раньше не уделялось достаточного внимания. Надо находить «третий путь». Если сейчас мы не воспользуемся появившимся ресурсом, то лет через пять в среднесрочной перспективе столкнемся с серьезными проблемами.

Есть серьезные риски, связанные с политическим лидерством. Кто является политическим лидером в России за исключением В. В. Путина? Он действующий президент, политический лидер. Кто еще? Если брать среди лидеров популярных военных – это бесперспективно. Аналогичная проблема есть и на региональном уровне. Кто придет на смену? Попытка реанимации «политических трупов» (Сталина) – бес-

смысленно. Разные исторические эпохи, разные задачи развития. Это символы, но есть опасность, что популярность набирают различные радикальные фигуры – те, кто отличился в «горячих точках», те, кто создал медийный образ «героя-защитника». Это впоследствии может сыграть дестабилизирующую роль на федеральном и региональном уровнях.

Проект идентичности реализуется с двух сторон: конструирование идентичности «сверху» (элитой, лидерами) и «народной» идентичности, с укорененными образами и стереотипами. Реанимация в народном сознании образов Сталина, СССР обращает к историческому опыту, способствует консолидации и усилению консервативных тенденций.

Логично, что в таких условиях в политической сфере усиливается поддержка консервативных партий, этатистских, в то время как либеральные партии теряют своих сторонников. Это проявляется и на региональном уровне, вплетаясь в общероссийские тенденции. Ориентации на импортозамещение усиливают и внутрорегиональную идентичность, играя на региональном патриотизме. Проблема в том, что неприятие прозападных либералов приводит к отторжению значительной частью населения либеральной идеологии в целом, что сокращает плюрализм и может иметь и негативные последствия.

Преп. Поляков Е. М. Ваша научная работа была связана с таким явлением, как Еврорегионы. И мы затрагиваем приграничную с Россией область Украины, два Еврорегиона – Донбасс и Слобожанщина. За последний год были ли попытки со стороны России эти проекты как-то реанимировать, взаимодействуя с Луганской и Донецкой областями? Или они отложены в «долгий ящик»?

Доц. Черникова В. В. На данный момент они, конечно, отложены в «долгий ящик», но тесное взаимодействие все равно продолжается. Например, сотрудничество в энергетической сфере: мы поставляем электроэнергию в Харьков. Не случайно то, что было перед всеми этими острыми событиями, куда ездил губернатор Гордеев на встречу, это заседание Еврорегиона Донбасс. Проекты были. После завершения кризиса у Еврорегиона хорошие перспективы, как это сейчас ни странно звучит.

Преп. Поляков Е. М. Даже несмотря на сложности в правовом поле?

Доц. Черникова В. В. Ситуация с Донбассом будет еще долго разрешаться, вне зависимости от того, как в итоге сложится конфигурация этого образования: войдут ли в состав Украины или, что вероятнее, на мой взгляд, это будет ситуация как с Приднестровьем, им будет выгодно интегрироваться в различные транснациональные структуры.

С Украиной торговля и взаимодействие сейчас на минимуме. Они устроили экономическую и финан-

совую блокаду, т.е. сами отгородились. А регион вынужден искать какие-то связи. Самые ближайшие соседи – коллеги по Еврорегиону Донбасс. Более того, уже есть транспортные коммуникации.

Фактор беженцев, которые в значительной степени сконцентрированы в наших регионах, – членов Еврорегиона Донбасс – играет свою роль. Они налаживают связи, выстраивают бизнес. Даже когда они будут возвращаться обратно, то связи сохранятся, на их основе можно будет выстраивать торговые, экономические отношения. Если они не будут возвращаться обратно, то связи все равно сохранятся с теми, кто остался.

Есть возможность создания и общего рынка труда. Донецк и Луганск были развитыми промышленными регионами, со своими специалистами. Кстати, в Донецке 50 % промышленности работает. В Луганске хуже ситуация, там по региону около 90 % разрушено. Однако даже тем работающим предприятиям нужен рынок сбыта.

Доц. Калашикова С. М. Есть ли влияние украинского фактора на региональную идентичность Воронежской области?

Доц. Черникова В. В. Воронежская область граничит с Украиной, поэтому влияния не может не быть. Существуют исторически сложившиеся связи, друзья, родственники, партнеры по бизнесу. Поэтому украинский кризис повлиял на выбор позиции населения: с кем мы? Возвращаясь к идентичности, хочу обратить внимание, что часто со стороны Украины звучит, что Ростов, Воронеж, Кубань – это украинские территории. Хотя не совсем понятно, на какие данные они опираются.

Преп. Поляков Е. М. Возможно, апеллируют к численности украинского населения в этих территориях на начало XX в. Они были преимущественно заселены украинцами.

Доц. Черникова В. В. Нельзя сказать, что преимущественно, но украинцев здесь, действительно, было много. До 40 %. В процессе миграции, ассимиляции многие меняли национальную принадлежность. Однако сохранилось влияние на культуру населения, например суржик. В то же время территориально претензии ничем не обоснованы. Наоборот, такие украинские города, как Старобельск, входили в состав Воронежской области. Этот фактор вряд ли станет дестабилизирующим, он не найдет поддержки в регионе даже среди местных украинцев.

Доц. Калашикова С. М. (доклад «Эффективность социальной поддержки инвалидов в городе Воронеже»). Одной из важных проблем формирования новой социально-политической реальности в России является поиск адекватной модели социальной политики. Необходимой составной частью инновационной модели социальной политики должен

стать блок гражданских прав, учитывающий интересы такой части населения, как инвалиды. Такой подход предполагает рассматривать инвалидов как равноправных членов общества и его активных участников.

ООН предпринимает различные меры по защите прав инвалидов, которых сегодня в мире более 1 млрд человек (15 % населения мира) [2]. Так, в 1975 г. была принята Декларация о правах инвалидов, в 1992 г. 3 декабря провозглашен Международным днем инвалидов, в 2006 г. была принята Конвенция о правах инвалидов [3]. Все это способствовало проникновению в самые отдаленные уголки нашей планеты понимания человеческого достоинства как неотъемлемой части культуры.

В России 13 млн инвалидов (уровень инвалидизации 9,2 %). Прогнозируется, что к 2015 г. их число может превысить 15 млн [4]. В нашей стране создана нормативно-правовая база в отношении инвалидов. Статус инвалидов закреплен в Конституции Российской Федерации (ст. 7 и 39), приняты и реализуются Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Предоставление правовых гарантий инвалидам обеспечивается изданием и применением указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ.

Предпринимаемые государством меры – предоставление пенсий, льгот, различных выплат, организация реабилитационных мероприятий – способствуют улучшению положения инвалидов. Однако эта часть населения остается наиболее социально уязвимой. Их жизнь характеризуется значительной экономической и социальной зависимостью, замкнутостью, что ведет к социальной дезадаптивности.

Во многих городах России принимаются специальные программы по улучшению жизни инвалидов. Не исключение и наш город Воронеж.

На сегодняшний день в Воронежской области насчитывается 238 тыс. инвалидов (из них свыше 53 тыс. человек трудоспособного возраста и 5595 – дети) [5].

«Стратегический план социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2020 года» предусматривает повышение качества городской среды обитания, формирование благоприятной социальной среды, обеспечивающей развитие личности на основе образования, культуры, здорового образа жизни.

В соответствии с Законом Воронежской области от 3 мая 2005 г. № 22-ОЗ «О квотировании рабочих мест для инвалидов» в нашем регионе действует

система мер, направленных на содействие занятости, реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов на рынке труда. За последние пять лет в области трудоустроено более 8 тысяч инвалидов (показатель «Доля численности трудоустроенных инвалидов в общей численности инвалидов, обратившихся за содействием в поиске работы» – 43,4 %, а среднероссийский – 39,7 %) [6].

В городе Воронеже реализуется региональная программа «Доступная среда на 2013–2015 годы». Она включает создание маршрутов городского транспорта с подъемными устройствами для колясок, работу социального такси, проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения, проведение кинофестивалей по проблемам инвалидов, развитие инклюзивного образования, реабилитацию детей-инвалидов и пр. [7].

Выполняется программа по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации. Так, в 2013 г. были обеспечены техсредствами 33 тыс. инвалидов. В 2014 г. предоставлены реабилитационные техсредства еще 57 % нуждающимся в них инвалидам. Детям-инвалидам было выдано 496 040 различных изделий. За последние два года более 6 тыс. инвалидов получили санаторные путевки, и дополнительно было выделено более 26,5 млн рублей для приобретения путевок в Крымские здравницы [8].

В Воронеже расположены многочисленные пансионаты для пожилых и инвалидов. В городе функционирует социальное такси. Уже пятый год воронежские парадайверы осваивают азы подводного спорта в клубе «200bar». Начало развиваться инклюзивное образование. В художественном музее имени Крамского появился подъемник для инвалидов.

В нашем городе действуют 18 общественных организаций инвалидов, которые помогают решать различные проблемы этой достаточно многочисленной группы людей.

В итоге можно сказать, что социальная поддержка людей с ограниченными возможностями в городе Воронеже осуществляется, но ее эффективность пока очень низкая. Большинство жилых домов, спортивных сооружений и объектов социально-культурного назначения остаются не доступными для воронежских инвалидов. Очень длительно ожидание санаторно-курортного лечения. Нередки задержки в изготовлении ортопедической обуви, неполучение слуховых аппаратов. Много жалоб на лекарственное обеспечение. Инвалиды пользуются нестандартными крутыми пандусами, редким низкопольным транспортом, обходятся в кафе, театрах и даже университетах без туалета. Их участь – это дистантное обучение, тыканье пальцем на улицах...

Делаются только первые шаги, чтобы инвалиды города получили возможности для самореализации

в различных сферах жизнедеятельности, чтобы они могли идентифицировать себя не только как получателей пенсий и пособий, но и как полноправных членов социума, имеющих не только права, но и обязательства перед обществом.

Доц. Черникова В. В. Меняется ли сознание населения города в отношении инвалидов? Есть ли Программы, предусматривающие работу по изменению сознания населения города в отношении к инвалидам?

Доц. Калашикова С. М. Да, медленно, но сознание населения нашего города меняется в сторону признания прав на доступную среду для инвалидов, особенно в сфере образования. В Программах предусмотрено рассматривать инвалидов как людей с новыми возможностями. И это положительно сказывается на массовом сознании. Но нужна более активная специальная работа по формированию аттитюдов воронежцев.

Доц. Черникова В. В. А что делается для реабилитации инвалидов?

Доц. Калашикова С. М. В Воронеже накоплен определенный опыт по реабилитации инвалидов, особенно детей и подростков. Так, в городе с 1996 г. работает лечебно-реабилитационный центр «Парус надежды», который оказывает медицинскую и социально-адаптивную помощь реабилитации для подростков и детей с ограниченными возможностями. Здесь проводится комплексная медико-социальная, психолого-педагогическая и социально-трудовая реабилитация для максимальной социализации, социальной адаптации и самореализации. С 1994 г. в городе функционирует реабилитационный центр для инвалидов молодого возраста, который оказывает помощь инвалидам в профессиональном самоопределении, получении профессии, восстановлении социального статуса. В декабре 2014 г. в Воронеже открылся Региональный центр трудоустройства инвалидов, где люди с ограниченными возможностями смогут найти работу, переобучиться, а также бесплатно получить помощь психолога и юриста.

Доц. Черникова В. В. А есть ли программы, стимулирующие предприятия, которые выпускают технические средства для инвалидов?

Доц. Калашикова С. М. Пока, к сожалению, нет.

Доц. Гармонова А. В. (доклад «Вызовы и системные напряжения в современном российском образовании»). Современное состояние российского вузовского образования, зафиксированное в «Концепции развития образования на 2016–2020 годы», констатирует сокращение количества вузов до 40 % и количества филиалов до 80 %. Парадоксально, но за последние три года число выпускников 11 классов уменьшилось почти на 70 000 человек, а число вузов увеличилось

на 69. По мнению одного из ведущих исследователей российского образования И. В. Абанкиной, «... студенты учатся, а вузы до сих пор не договорились, что за специалистов они готовят» [9].

Для того чтобы понять, как ощущают и с какой моделью развития ассоциируют себя представители современных российских вузов, а также стратегические горизонты развития российских высших учебных заведений, в ноябре 2014 г. было проведено исследование в шести вузах Российской Федерации по квотной выборке методом анкетного опроса руководящих работников высшего звена российских вузов.

Целью данного исследования было формулирование стратегии развития российского вуза будущего на ближайшие двадцать лет. Полученные результаты исследования демонстрируют следующие подходы.

По мнению большинства респондентов (62 %), современный российский вуз выполняет практически все функции – от научно-исследовательских до производственных. То, что вуз – это образовательная организация, считают только 31 % опрошенных. С функцией образования себя четко идентифицируют Курский государственный университет (55,5 %) и Российский государственный социальный университет (44,4 %). Из всех опрошенных исключительно вузы Челябинска (22 %) и Тюмени (17 %) считают, что их основная задача – подготовка региональных кадров.

В результате проведенного опроса ответы респондентов относительно стейкхолдеров распределились в классическом треугольнике Б. Кларка: государство – 66,7 %, рынок (бизнес-сообщество) – 31 %, обучающиеся (клиенты) – 26,6 %, научно-педагогические кадры (сотрудники) – 14,3 %. Очевидно, что государство (федеральный и региональный уровни управления), бизнес, абитуриенты и их семьи являются внешними стейкхолдерами по отношению к вузу, тогда как академический и административный персонал вузов – внутренними.

Рассматривая происходящие в системе высшего образования изменения через призму взаимодействия стейкхолдеров, можно констатировать, что, будучи основным стейкхолдером, государство начало выстраивать взаимоотношения с вузами с позиций вертикальной дифференциации, выделяя группы лучших и худших (или неэффективных) вузов. Ожидания государства от первой группы вузов связаны с их превращением в высшие учебные заведения высшего (в идеале – мирового) уровня [10].

Характерно, что все надежды наших респондентов связаны именно с государством. Опрошенные считают, что университеты превратятся в государственные корпорации, сочетающие в себе образовательную и исследовательскую функции, – 66,7 %. 11 % предположили, что вузы будут «обслуживать

любые функции государства, в меньшей степени – образовательные...».

Если принять во внимание государственное влияние в современной образовательной бизнес-модели, то, конечно, хотелось получить прогноз ее развития или изменения.

Уверены в том, что она останется прежней, 19 % респондентов, а вот почти 80 % считают, что увеличится доля частных инвестиций и клиентского капитала (финансового вклада обучающихся). То есть в будущей бизнес-модели не хочется прощаться с государством, но все реально понимают, что это невозможно.

Главные вызовы сегодня, по мнению респондентов, конфигурируются в следующий тренд: жесткая конкурентная среда (54,8 %) при наличии конфликта между стандартами образования и необходимыми компетенциями выпускников (52,4 %), сопровождающаяся понижением качества образовательных услуг (45,2 %), старением материально-технической базы вузов (42,9 %), оттоком молодых кадров из профессии (40,5 %) и отсутствием адекватной системы проверки качества образования (28,5 %).

Через двадцать лет это конкуренция в сфере образовательных услуг (62 %), новые технологии обучения (46 %), видимо, на базе уже созданного искусственного интеллекта (14 %) при тотальной коммерциализации образования (26 %) и необходимости междисциплинарного обучения студентов (33 %). 55 % респондентов опасаются конкуренции со стороны госкорпораций и корпоративных университетов. 26 % видят прямых конкурентов в системе дополнительного профессионального образования. Профессиональные колледжи и частные бизнес-школы тоже принимаются в конкурентный расчет (12 %).

Этот вывод соотносится с результатами Форсайта «Образование-2030», где одним из вызовов современного состояния системы высшего образования названа глобальная конкуренция за обучающегося. К 2015 г. на рынок активно выходят корпоративные университеты, в том числе ИКТ-компании [11].

По просьбе исследователей, участники опроса сформулировали три стратегические задачи, которые необходимо выполнить для развития вуза в последующие 20 лет. Вот какую картину мы получили:

- 1) качество образования – 38 %;
- 2) развитие научно-исследовательской базы – 31 %;
- 3) развитие новых технологий обучения – 29 %.

Таким образом, прогнозируя развитие моделей вузов будущего, еще раз стоит подчеркнуть, что в современном понимании нынешние вузы должны меняться, демонстрируя меню разнообразия. Со временем государство должно принять данный вызов и совершенствовать свою образовательную политику.

В отношении вызовов, возникающих перед высшим образованием, необходимо формировать адекватные стратегии. Так, дефицит ресурсов возможно будет преодолеть с помощью развития предпринимательского мышления, сложную демографическую ситуацию – обеспечением преемственности научных школ, развитием системы ДПО, формированием вузов нового типа.

Прен. Стёпин В. В. (доклад «Проблемы российского образования как фактор дестабилизации социальной системы»). Качество образования – это принципиально важный вопрос, напрямую влияющий не только на интеллектуальный потенциал подрастающего поколения, но и в целом на стабильность и динамичное развитие социальной системы. В результате трансформации российского общества в 1990-е гг. советская система образования была почти разрушена. Однако на кризис современной российской системы образования повлияла не только смена политического строя, но и целый комплекс других внутренних факторов, а также все более усиливающаяся глобализация образовательного пространства. Кризис образования в России, по мнению большинства экспертов, проявляется в наличии целого ряда системных проблем, среди которых основными являются низкая практическая направленность образования, недостаточный уровень финансирования, пробелы законодательства в сфере образования, массовый спрос на высшее образование, падение престижности среднего специального образования, слабая взаимосвязь между различными уровнями образования, высокий уровень коррупции и некоторые другие. Остановимся более подробно на двух последних.

Основными уровнями российской системы образования являются дошкольное, среднее и высшее. Слабая преемственность между всеми «ступенями» образовательного процесса негативно влияет на качество обучения и мешает глубокому овладению знаниями со стороны учеников. Современное дошкольное образование в России – это слабо организованная, в некотором смысле стихийно развивающаяся система, не дающая нужного объема знаний, необходимого для обучения в школе. Зачастую родители дошкольников вынуждены отдельно оплачивать прохождение детьми предшкольной подготовки либо в детских развивающих центрах, либо нанимать частных репетиторов, поскольку дошкольные учреждения, по сути, «устранились» от подготовки ребенка к школе. Еще сложнее обстоит дело с преемственностью между средним и высшим уровнями образования. В настоящее время выпускник школы не получает того объема знаний, который требуется для сдачи ЕГЭ и поступления в вуз. Старшеклассники также либо вынуждены обращаться к платным

репетиторам, ведь бесплатное школьное образование не соответствует всем нуждам будущих студентов, либо их родители вынуждены принимать участие в коррупционных схемах.

Коррупция в российской системе образования – это многоликое и многоуровневое явление. Это и денежные поборы с родителей школьников, и хищение бюджетных средств, итак недостаточно выделяемых системе образования, и продажа подложных дипломов, и откровенные взятки на различных уровнях. В целях снижения коррумпированности образования государством предпринимаются различные меры, в том числе законодательного характера, однако приводят ли они к желаемому результату – сложный вопрос. В частности, снизить уровень коррупции предполагалось при помощи введения ЕГЭ, однако привела ли эта мера к нужным результатам, до сих пор спорят не только рядовые граждане, но и эксперты. Таким образом, высокий уровень коррупции в системе образования, по сути, блокирует возможность вертикальной мобильности посредством получения качественного образования для детей из малообеспеченных семей. В целом, рассматриваемые системные проблемы, очевидно, приводят к дестабилизации всей социальной системы и основная задача и ответственность по их решению лежит на плечах государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черникова В. В. Символическое пространство региональной идентичности / В. В. Черникова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4.
2. Цифры и факты. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/events/disabilitiesday/background.shtml>
3. Документы ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
4. Количество инвалидов в России на 2013 год. – Режим доступа: <http://www.pressgrad.ru/kolichestvo-invalidov-v-rossii-na-2013-god/>
5. Ботнева А. Число детей-инвалидов в Воронежской области снизилось / А. Ботнева. – Режим доступа: <http://36on.ru/news/people/21998-chislo-detey-invalidov-v-voronezhskoy-oblasti-snizilos>
6. Работа для инвалидов в Воронеже. – Режим доступа: <http://rabotaiva.ru/>
7. В Воронеже реализуется программа «Доступная среда». – Режим доступа: <https://proj.edinros.ru/news/>
8. Инвалиды Воронежа. – Режим доступа: <http://36on.ru/tags/invalidy%20voronezha>
9. Трушин А. Осторожно, вузы закрываются / А. Трушин // Огонек. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2644693>
10. Дрантусова Н. В. Институциональный ландшафт высшего образования в России : ключевые векторы

развития / Н. В. Дрантусова, Е. А. Князев // Вестник международных организаций. – 2013. – № 1 (40).

Воронежский государственный университет

Черникова В. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: victoriacher@list.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Поляков Е. М., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Калашникова С. М., кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: smkalashnikova@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Гармонова А. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: garmonova2006@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Стёпин В. В., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: vstepin@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

11. Форсайт «Образование-2030». – Режим доступа: <http://metaver.net/2011/edu2030/>

Voronezh State University

Chernikova V. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science

Department

E-mail: victoriacher@list.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Poliakov E. M., Candidate of Political Sciences, Lecturer of the Sociology and Political Science Department

E-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Kalashnikova S. M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science

Department

E-mail: smkalashnikova@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Garmonova A. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science

Department

E-mail: garmonova2006@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Stiopin V. V., Candidate of Political Sciences, Lecturer of the Sociology and Political Science Department

E-mail: vstepin@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43